

Но в «Записках» Державин сначала очень подробно описывает служебные разногласия между ним и Вяземским, а разговор с Екатериной II описывает так: «„Для чего же не ужился с Вяземским?“ Державин не хотел рассказывать всего вышеописанного относительно несохранения и беспорядков в управлении казенном (курсив мой, — И. Ф.), дабы не показаться доносителем, но отвечал кратко: „Государыня! Вам известно, что я написал оду Фелице. Его сиятельству она не понравилась. Он зачал насмехаться надо мною явно, ругать и гнать...“» (VI, 609).

Причины творческого кризиса, пережитого Державиным в начале 90-х гг. XVIII в., он тоже объясняет по-разному в разных текстах.

В заметке «Нечто о Державине» Державин пишет, что он в те годы не имел никакой склонности к стихотворству и занимался им только по прямой просьбе Екатерины II: «...императрица изъявила ему неоднократное желание свое, чтоб он более упражнялся в стихотворении, что он и должен был исполнить, а как по некоторым обстоятельствам не имел он духа вновь чего-либо произвесть, то и схватился за собранные его женою». ⁶⁷

В «Примечаниях» он тоже не указывает причины кризиса, пишет только, что он «был в тогдашнее время многими обстоятельствами огорчаем». ⁶⁸

В «Объяснениях», комментируя стихотворение «На умеренность», Державин объяснил свое молчание тем, что у него были более важные служебные дела: «Автор несколько раз был прошен самой императрицей, чтоб он писал стихи, подобные *Фелице*, но он, будучи, с одной стороны, занят важнейшими делами, а с другой, видя несправедливости, неохотно к тому приступал» (III, 628).

В «Записках» же Державин объясняет перерыв в творчестве отсутствием вдохновения: «...не мог он воспламенить так своего духа, чтобы поддерживать свой высокий прежний идеал <...> Сколько раз ни принимался, сидя по педеле для того запершись в своем кабинете <...> все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев, у коих только слышны слова, а не мысли и чувства» (VI, 693—694).

Из всех этих высказываний видно, какие непреодолимые трудности встали перед Державиным при первых попытках написания автобиографии, как трудно было писателю той эпохи свести воедино рассказ о стихийном гении, «самою природою к песнопению образованном», и рассказ о сенаторе и секретаре Екатерины II.

Державин не сумел решить задачу создания единого образа и в написанных одновременно «Примечаниях», хотя именно «Примечания» можно рассматривать как наиболее последовательную попытку сведения воедино служебной и творческой био-

⁶⁷ Нечто о Державине, с. 84.

⁶⁸ Державин Г. Р. Примечания, вып. 2 (22), с. 110.